

«КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПОВОРОТ» В РОССИИ 2020 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО АВТОРИТАРНОГО ТРЕНДА

Е. Б. Зюзина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 сентября 2021 г.

Аннотация: *проведен анализ содержания поправок к Конституции, касающихся изменения системы ценностей и перераспределения полномочий между органами государственной власти; обозначены новые механизмы взаимодействия высших органов государственной власти в «системе сдержек и противовесов», сформулированы выводы об эволюции формы правления и политического режима в Российской Федерации после проведения конституционной реформы в контексте теории конституционных циклов и глобального тренда «нового авторитаризма».*

Ключевые слова: *конституционные реформы, поправки к Конституции, институт президентства, разделение властей, «система сдержек и противовесов», система органов государственной власти Российской Федерации, форма правления, конституционные циклы, авторитарный поворот, «новый авторитаризм», консервативные установки.*

Abstract: *the article analyzes the content of amendments to the Constitution concerning the redistribution of powers between government bodies; identifies new mechanisms of interaction between higher government bodies within the system of «checks and balances»; makes conclusion about the evolution of the form of government and political regime in the Russian Federation after the constitutional reforms in the context of the theory of constitutional cycles and global trend of «new authoritarianism».*

Key words: *constitutional reforms, amendments to the Constitution, institute of presidency, separation of powers, «system of checks and balances», system of government bodies of the Russian Federation, form of government, constitutional cycles, authoritarian turn, «new authoritarianism», conservative preferences.*

Масштабные изменения Конституции Российской Федерации 2020 г. вызвали интенсивные споры об их политическом и социальном значении. Можно выделить две преобладающие позиции в интерпретации нововведений. Первая позиция рассматривает внесенные поправки как оптимизацию конституционных норм, формальное закрепление изменившихся практик, отражение современной российской реальности. Согласно этой точке зрения, обновление Конституции позволит повысить адаптивность и гибкость российской политической системы. Вторая позиция характеризует конституционную реформу как контрреформу, которая привела к формальному закреплению авторитарных практик и окончательному разрыву с демократическо-либеральными ценностями в целях продления полномочий президента Российской Федерации по истечении его последнего срока пребывания у власти. Между двумя этими крайними позициями есть множество промежуточных точек зрения. Ряд политологов приходят к выводу о том, что конституционная реформа в России 2020 г. вписывается в мировой тренд кризиса либеральной демократии и феномена «нового авторитаризма» как продук-

та данного кризиса. Нововведения отражают стремление российской политической элиты закрепить суверенитет государства, противостоять глобализации, сформировать национальную конституционную идентичность.

Цель данной научной статьи – обозначить вектор эволюции политической системы России в целом и института президентства Российской Федерации в частности после проведения конституционной реформы 2020 г. и соотнести данный вектор с мировым глобальным трендом «нового авторитаризма». В рамках настоящей статьи ставятся следующие исследовательские задачи: выделить отличительные черты «нового авторитаризма» как глобального тренда, в его контексте проанализировать институциональные и ценностные изменения в российской политической системе после обновления Конституции РФ.

Исследовательский вопрос: «Какой общий вектор политического развития задает конституционная реформа в России 2020 г. в контексте глобальных изменений?»

**«Новый авторитаризм» и «откат» демократии
как глобальный тренд**

Демократический транзит и «волны демократизации», о которых писал С. Хантингтон, во многих

переходных странах не оправдали ожиданий и не привели к консолидации демократии. Разочарование в парадигме демократического транзита, не вполне соответствующей новым политическим реалиям, привело к возрастанию исследовательского интереса к феномену авторитаризма. Ю. А. Нисневич полагает, что «в рамках институционально-целевой парадигмы современный авторитаризм может быть определен как форма организации политических и государственных порядков, основанная на использовании неформальных практик ради сохранения власти правящего политического актора (индивидуального или коллективного) и перераспределения общенациональных ресурсов в его интересах» [1, с. 111].

О «крадущемся авторитаризме» в начале XXI в. одним из первых предупредил Р. Дарендорф. По его мнению, эта форма ограничения либеральных порядков обещает «благополучие без политики», «экономический рост без свободы». Сложность переходного периода лишает граждан надежды на процветающее демократическое будущее, возникает чувство ностальгии по старым порядкам. По мнению немецкого политолога, самая большая опасность такого периода разочарования – попираание ценностей просвещения, свободы, гражданского общества. «Крадущийся авторитаризм» сводит на нет гражданское участие, вся инициатива в принятии решений переходит к исполнительной власти, которая выходит из-под контроля «системы сдержек и противовесов» [2].

«Новый авторитаризм» польский исследователь Е. Вятр определяет как систему концентрации государственной власти, которая не уважает принцип разделения властей, верховенство закона, конституционные положения, а также ограничивает права и свободы граждан. Представители нового авторитаризма стремятся к монолитной государственной власти, а для реализации своих намерений зачастую пересматривают конституцию [3, с. 14]. Таким образом, поворот к авторитаризму начинается не в результате антидемократического переворота, а становится следствием поддержки избирателями антидемократических сил в ходе выборов или конституционной реформы.

Помимо сложностей переходного периода и разочарования граждан, причинами «отката» политологи считают слабость внутренних предпосылок для демократизации: неразвитость и пассивность гражданского общества, патернализм, консервативность сознания граждан, отсутствие значительной прослойки среднего класса, низкий уровень политической культуры, слабость институтов (процедур), ориентация на «сильную руку», отсутствие политической воли к демократизации у властвующих элит. Социальная апатия приводит к невостребованности на-

селением демократических институтов и процедур, появившихся в переходные 1990-е гг. Авторитарному тренду способствует также слабая социально-экономическая эффективность молодых демократий, личная незащищенность людей, уповающих на «сильную и справедливую власть». В то же время экономические успехи стран с авторитарным правлением способствуют их легитимации и препятствуют глобальному распространению демократии. Подобным примером успешного социально-экономического развития стали Китай, Вьетнам, Казахстан, Россия (в 2000-е гг.). Таким образом, исследователи выделяют как объективные факторы отката (исторический опыт, традиции, социально-экономическая ситуация), так и субъективную волю политических элит.

А. В. Глухова к характерным чертам нового авторитаризма относит следующие:

- отрицание плюралистического характера общества и политики как конкурентной борьбы за власть, трактовка ее в качестве запретного (опасного для государства) вида деятельности;

- популистские апелляции к народной поддержке, которая обеспечивает правящей партии и режиму в целом широкие возможности для ограничения политических и гражданских прав и свобод;

- активизировавшийся поиск идеологических обоснований политического курса, опора на патриотизм, традиционализм, консерватизм;

- усиливающийся контроль над средствами массовой информации, прежде всего Интернетом;

- активное использование судопроизводства и правоприменительной практики в подавлении сопротивления активистов общественных групп;

- обвинение Запада и в целом внешних сил в организации и осуществлении заговоров с целью свержения власти [4].

Современные авторитарные режимы многолики. Вследствие авторитарного отката неавторитарные режимы доминирующей личной власти установились в Венесуэле, Турции, странах Африки, в ряде стран постсоветского пространства (Таджикистан, Туркменистан; Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и др.). Изменения в расстановке политических сил в пользу «правых» на фоне кризиса неолиберализма наблюдаются и в ряде стран Европы (Польша, Венгрия, Италия и др.).

Черты «нового авторитаризма» стали отчетливо проявляться в российской политической действительности с 2000-х гг. С тех пор он прошел несколько фаз консолидации. Принятие поправок в Конституцию в 2020 г. стало очередной вехой становления «нового авторитаризма» в России. Нововведения усиливают синдром «режима с доминирующей властью», характерного для стран, находящихся, по выражению Т. Карозерса, в так называемой «серой зоне». Страны

с этим синдромом имеют ограниченное политическое пространство, некоторую конкуренцию власти в лице оппозиционных групп и институциональные формы демократии. При этом «одна политическая группировка или лидер доминирует в системе таким образом, что в обозримом будущем смена власти представляется маловероятной» [5].

С точки зрения А. Н. Медушевского, автора теории конституционных циклов, логика трансформации российской политической системы определяется итогами «Большого постсоветского конституционного цикла». В ходе данного цикла наша страна прошла три основных фазы. Первая фаза – деконституционализация, т. е. отказ от прежней однопартийной советской системы и постепенный переход к плюралистической системе – относится к концу 1980-х – началу 1990-х гг. (1985–1991 гг.).

Вторая фаза – так называемая конституционализация, характеризуется принятием новых «правил игры», закрепленных в Конституции 1993 г.

Третья фаза представляет собой реконституционализацию – трансформацию конституционных принципов, включающую корректировку этих правил и норм в соответствии с изменившейся социально-политической реальностью, особенно начиная с 2000-х гг. Последняя фаза этого цикла представляет собой своеобразную постсоветскую реставрацию и завершается возвратом к ситуации, во многом сходной с той, которая существовала в его начале – мнимого конституционализма и сверхцентрализованной модели власти [6, с. 42].

Внесенные поправки в Конституцию РФ в 2020 г. подвели черту под очередным конституционным циклом и отразили сущность сложившего политического режима в период президентства В. Путина. Обновленная Конституция легитимировала «новый авторитаризм», форма стала соответствовать содержанию, появилась институциональная возможность сохранения режима личной власти. Однако закрепление «нового авторитаризма» в тексте Конституции не только фиксирует его, но и открывает возможность для возникновения еще более авторитарных институтов и практик, опирающихся на новую конституционную доктрину.

Таким образом, конституционная реформа в России вписывается в глобальный тренд отката от либеральных и демократических ценностей, направлена на формирование национальной идентичности и новых аксиологических установок.

Изменение системы ценностей в обновленной Конституции РФ

Конституционная реформа 2020 г. наряду с изменениями организации и функционирования публичной власти трансформировала и систему цен-

ностей, заложенную Конституцией РФ 1993 г. Данные изменения весьма значимы с точки зрения определения ориентиров дальнейшего развития российского государства и общества. По мнению О. Ю. Малиновой, внесенные поправки являются существенной вехой в российской символической политике. Конституция страны является не только основным политико-правовым документом, но и выступает политическим символом, имеющим сложное содержание [7, с. 20].

Конституция РФ 1993 г. принималась в очень сложный и трагический период. Основной закон был рожден в условиях конфликта между Президентом Российской Федерации и Верховным Советом при отсутствии базового консенсуса как внутри политической элиты, так и в обществе в целом. В ней не было отражено согласие различных политических сил относительно принципов общественного устройства, а закреплена победа команды Б. Ельцина при отсутствии внутриэлитного консенсуса. Новый Основной закон закрепил позиции относительно узкого круга лиц, т. е. имел конъюнктурный характер, и уже в этом была его уязвимость. Однако при всех недостатках Основного закона он тем не менее позволил в кризисный период после событий 1993 г. выработать временный конституционный консенсус среди подавляющего большинства ведущих политических сил, закрепить основы перехода российского общества к новой государственности. В первой главе Конституции 1993 г. были закреплены базовые ценности демократического государства: политический плюрализм, многопартийность, разделение властей, приоритет прав и свобод человека.

Для всех сегментов политико-идеологического спектра Конституция 1993 г. была важным политическим символом. В дискурсе власти она символизировала стабильность и демократический выбор; для коммунистов была олицетворением начала олигархического капитализма; националисты видели в Основном законе ограничения возможностей для самовыражения русских и представителей других коренных национальностей страны; консерваторы обращали внимание на угрозу для самобытного развития и вестернизацию; либералы положительно оценивали потенциал закрепленных в ней прав и свобод, но признавали, что гипертрофированная власть президента и слабость парламента как законодательной ветви власти станут препятствием для успешной демократизации. Все это, по мнению О. Ю. Малиновой, побуждает рассматривать поправки к Конституции не только как инструмент изменения политических правил, но и как средство борьбы за доминирование собственных ценностей [там же, с. 22].

В противовес либеральным ценностям, «чуждым России и навязанным Западом», поправки 2020 г. за-

крепили ценности «самобытные», «национальные». В обновленной Конституции делается акцент на сохранение традиций национальной государственности; традиционной культуры, языковой, национальной и этнической идентичности. Обращает на себя внимание обилие ценностей исторической направленности: вера в Бога в историческом контексте, память предков, память защитников Отечества, историческая правда. Аксиологическим базисом становятся авторитет семьи, патриотизм, приоритет интересов государства.

Консервативные установки получили поддержку у многих российских граждан еще до внесения поправок, так как стали прямой реакцией на неудачу либеральных реформ и на издержки, которыми сопровождался переход от административно-командной системы в экономике и авторитаризма к рыночной экономике и демократии. Большинство российских граждан положительно воспринимают сложившиеся в путинское время особенности политической системы. Их не возмущает доминирование одной политической партии на политическом Олимпе, предсказуемые выборы, притеснение оппозиции. Свобода слова, право на протест и политическую самореализацию, потребность участия в общественном диалоге не стоят в перечне приоритетов у основной массы населения. «Демократия» ассоциируется с «законностью», «стабильностью и процветанием». По мнению большинства респондентов (55%), нашей стране нужна совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России демократия. С «выборами», «политической борьбой», «подотчетностью власти обществу» – с тем, что является определяющим содержанием понятия «демократия», – ассоциации возникают лишь у пятой части населения (18–20%) [8].

Ценности, взятые на вооружение российской властью с 2012 г., отдают приоритет стабильности вместо развития, сохранению сложившейся в обществе социально-политической иерархии вместо вертикальной восходящей мобильности, политическому монополизму вместо плюрализма. Кремлевскими аналитиками все чаще стали выдвигаться идеи об «особом» пути развития России, о «русском мире», несовместимости западных ценностей с традиционными российскими ценностями. Сделанный акцент на «возрождение духовных скреп» еще в Послании Президента 2012 г. и получивший юридическое закрепление в обновленной Конституции, продолжает подпитывать традиционалистские пласты политической культуры, сохраняет архаичные стереотипы патримониальной модели власти в России. Закрепление консервативных установок одновременно является и естественным процессом, подготовленным всей постсоветской эволюцией, и результатом властной манипуляции массовым сознанием, политтехно-

логическим ходом для легитимации правящего режима. Все чреватое для власти нелояльностью выдается за политическую деятельность, исходящую из-за рубежа и подлежащую контролю через механизм закона «Об иностранных агентах».

Консервируя российскую архаику, власть сокращает возможности модернизации российской политической системы, обрекает страну на автаркию и сохранение статус-кво. Ряд политологов полагает, что путем внесения «идеологических» и «исторических» поправок власть не только пытается опереться на внеправовые обоснования своей легитимности, но и воздействовать на общественные отношения, затормозить процессы глобализации, внедрить в массовое сознание образ «чужого», сформулировать новые критерии лояльности государству и политическому режиму. Установки на консерватизм, которые стали основой нынешней власти, призваны оправдать монополизацию и несменяемость власти, уничтожение политической конкуренции, умаление прав и свобод граждан [9].

Эволюция формы правления после внесения поправок в Конституцию РФ

Поправки в Конституцию внесли изменения в форму правления Российской Федерации, существенно трансформировав баланс сил в сторону президентской власти. В Конституции 1993 г. была закреплена президентско-парламентская модель власти с очень широкими полномочиями президента и слабо выраженной «системой сдержек и противовесов». Но при всех недостатках Основной закон не исключал разные векторы развития политической системы России: постепенная демократизация и наполнение формальных норм реальным содержанием или сохранение декларативности демократических принципов и закрепление авторитарных тенденций. Как показала практика, особенно в 2000-е гг., Россия пошла по второму пути.

Конституционные изменения 2020 г. значительно усилили власть Президента на этот раз не только де-факто, но и де-юре, что позволяет говорить о переходе Российской Федерации от смешанной (президентско-парламентской) республики к президентской. Специалисты по конституционному праву выделяют следующие основные признаки смешанной республики: президент не относится ни к одной из ветвей власти, выполняет функции высшего арбитра, призванного разрешать возникающие кризисные ситуации; президент не входит в систему органов исполнительной власти, но вместе с тем, наряду с парламентом, участвует в ее формировании и располагает полномочиями в области исполнительно-распорядительной деятельности; правительство формируется с участием и президента, и парламента, а также несет

ответственность как перед президентом, так и перед парламентом [10].

Поправки в Конституцию РФ 2020 г. в части реформирования российской модели республиканской формы правления не привели к заявленному В. Путиным усилению роли Парламента. Кандидатуры Председателя Правительства и министров выдвигаются не парламентским большинством, как это принято в парламентской модели, а предлагаются Президентом. Ответственность Правительства перед Парламентом на практике остается нереализуемой. Выражение вотума недоверия Государственной Думой Правительству, в том числе и повторное, не влечет его автоматической отставки. Президенту по-прежнему принадлежит последнее слово: отправить Правительство в отставку или объявить о роспуске Государственной Думы (ст. 117). За пределами контроля Думы остается фактически весь силовой блок, формируемый непосредственно Президентом после проведения ни к чему не обязывающих консультаций с Советом Федерации, новый порядок формирования которого сделал его более зависимым от Президента (по обновленной Конституции до 30 сенаторов может предложить президент, 7 из них пожизненно). Это еще один «предохранительный клапан» для любого будущего президента, поскольку при наличии 30 президентских «назначенцев» процедура импичмента, требующая поддержки двух третей сенаторов, будет существенно затруднена.

Как было отмечено выше, нововведения укрепляют доминирующую роль Президента в отношении исполнительной власти, что является характерным признаком президентской республики. Президент осуществляет общее руководство Правительством, самостоятельно принимает решения о его отставке. Поправки существенно ограничивают функционал и полномочия Председателя Правительства. Раньше статья 113 давала ему право «определять основные направления деятельности правительства» и «организовывать его работу». В нынешней редакции премьер только «организует работу» и «несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий». Председатель Правительства становится все более зависимой и технической фигурой. В итоге Президент Российской Федерации сочетает функции главы государства и фактического главы исполнительной власти, к тому же по-прежнему располагает правом роспуска парламента, отсутствующим в классической президентской модели.

Принятые поправки заметно снизили самостоятельность судебной власти и особенно Конституционного суда Российской Федерации, превращаемого на уровне высших органов власти, по точному опре-

делению экс-заместителя председателя Конституционного суда Т. Морщаковой, в «некоего юрисконсульта при президенте» [11]. Важной частью конституционной реформы 2020 г. является новый подп. «е.3» ст. 83 Конституции РФ, согласно которому Президент Российской Федерации получает еще один инструмент влияния на судебную власть. Глава государства теперь вправе вносить в Совет Федерации представление о прекращении полномочий Председателя Конституционного суда России, заместителя Председателя и судей, Председателя Верховного суда России, заместителей Председателя Верховного суда и судей, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов. Данная конституционная новелла содержит весьма размытое основание для применения нового полномочия Президента Российской Федерации, который может инициировать отрешение любого из названных выше судей «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий» [12].

Усиливается и контроль Президента над институтом прокуратуры. В прежней редакции (п. «е» ст. 83) глава государства лишь представлял Совету Федерации кандидатуру генерального прокурора, и Совет Федерации осуществлял как назначение его на должность, так и отставку. Теперь п. «е¹» переводит процедуру в режим «консультаций», после которых президент сам назначает и «освобождает от должности» всю прокурорскую «вертикаль».

Стоит отметить, что цели и средства трансформации публичной власти в России вступают в противоречие. Перестройка публичной власти поправками декларировала усиление парламентаризма для повышения гибкости и адаптивности политической системы, но в реальности существенно скорректировала механизм разделения властей в направлении монополизации власти, сосредоточения ее в руках Президента. Данный результат был достигнут за счет совокупности отдельных корректирующих поправок в отношении каждой из ветвей власти, кумулятивный эффект которых состоял в фактическом ослаблении их влияния по отношению к Президенту [13].

С одной стороны, все ветви власти в лице Государственной Думы, Совета Федерации, Конституционного суда и Правительства получили значительные новые полномочия, «уравновешивающие» их позиции в отношении друг друга. С другой стороны, потенциальные конфликты между ними (особенно в случае перехода от имитационной к реальной партийной конкуренции) снимаются не в рамках механизма разделения властей, а путем делегирования права окончательного решения на высший уровень политиче-

ской власти, т. е. президенту. Все институты власти оказались встроенными в единую систему публичной власти, вершиной и воплощением которой оказывается глава государства. Это отражено и поправкой, вводящей его новый символический статус. Ранее Конституция определяла Президента исключительно как «гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека». В обновленной Конституции Президент определяется как гарант «гражданского мира и согласия в стране», обеспечивающий согласованное функционирование и взаимодействие всех органов, входящих в «единую систему публичной власти» (ст. 80). Формулировка напоминает статус глав государств ряда постсоветских авторитарных режимов. По словам известного юриста О. Румянцева, в рамках «единой системы публичной власти» единая вертикаль дополняется единой горизонталью власти. Появился принцип одного окна – окна главы государства [14].

Обновленная Конституция узаконила практически неограниченную власть главы государства, формально закрепила персоналистский характер легитимности, предоставила возможность бессрочного пребывания у власти действующего лидера. Если в демократиях сменяемость власти обеспечивается соблюдением жесткой процедуры проведения выборов, срочностью полномочий, реальным волеизъявлением избирателей, то в недемократических режимах передача обеспечивается целым набором манипуляций, в том числе обнулением сроков.

Сложившаяся система правления в Российской Федерации, по мнению А. Н. Медушевского, может быть определена понятием «конституционного авторитаризма» (или конституционной диктатуры), используемым для описания ситуаций установления неограниченной власти формально конституционным путем. Конституционный авторитаризм представляет собой систему правления, при которой на основе конституции, при согласии общества и одобрении всеми политическими акторами происходит установление практически неограниченной власти института главы государства, персонифицированного в фигуре действующего лидера. Жизнеспособность подобной модели будет зависеть от конкретного действующего лица, которому народ делегировал свою судьбу [15].

Внесение поправок в Конституцию РФ развивает вектор эволюции постсоветских конституций в направлении усиления роли президента. Суперпрезидентская республика стала в России реальностью не только с точки зрения режима, это теперь и формально зафиксировано в Конституции [16].

Таким образом, конституционная реформа в России 2020 г. соответствует глобальному тренду демократической рецессии и неавторитарному повороту. Негативные социально-экономические последствия

либеральных реформ, разочарование в демократических процедурах породили в российском обществе массовый запрос на консервативно-традиционалистские ценности и установки – стабильность, порядок, социальный патернализм, сильную государственность. Этим объясняется феномен российского «консервативного ренессанса» в период президентства В. Путина, получивший формально-правовое закрепление в обновленной Конституции. Под вывеской традиционных ценностей в современной России все больше усиливаются этатистские, авторитарные и изоляционистские тенденции, не совместимые с ценностями современного правового государства. Подобные аксиологические установки не способствуют модернизации политической системы России, а закрепляют статус-кво. Традиции подменяют свободу, стабильность – развитие. Заметно противоречие между новыми нормами и установленными базовыми принципами в первой главе Конституции.

Обращение к историческим ценностям и традиционным политическим институтам в краткосрочной перспективе может обеспечить стабильность, интегрировать общество. Однако для реализации стратегических задач необходимо формирование конкурентной политической среды, современных политических институтов, действующих строго в рамках права, выстраивание открытого диалога гражданского общества и власти.

Конституционные новеллы значительно усилили власть Президента, что позволяет говорить о переходе Российской Федерации от смешанной (президентско-парламентской) республики к президентской системе правления. Закрепленная модель президентской власти с гипертрофированной ролью президента несет в себе серьезную опасность. В дополнение к расширенным полномочиям Президент получает и новый символический статус – гарант «гражданского мира и согласия в стране», что характерно для стран с «режимом доминирующей власти» и приводит к окончательной персонификации института президентской власти. Принцип разделения властей теряет эффект сдерживания, поскольку власть главы государства стоит над системой сдержек и противовесов как по горизонтали, так и по вертикали. В результате нововведений значительно снижена роль судебной власти, что является нарушением конституционного принципа независимости и равенства властей. Независимость судебной власти становится все более декларативной. Значительный перекося полномочий в сторону Президента на фоне снижения влияния судебной власти влечет серьезные риски для конституционной защиты прав человека.

Время определит дальнейшую траекторию политического развития России. Однако сегодня оснований для построения оптимистического сценария

остаётся все меньше. За конституционным поворотом в России все отчетливее видны черты «нового авторитаризма», уже «не крадущегося», а смело овладевшего пространством многих постсоветских стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нисневич Ю. А. Авторитаризм XXI века : анализ в институционально-целевой парадигме / Ю. А. Нисневич // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 8. – С. 109–111.

2. Дарендорф Р. Искушение авторитаризмом. Россия в глобальной политике / Р. Дарендорф. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27351056_85736672.pdf (дата обращения: 23.07.2021).

3. Вятр Е. Новый авторитаризм : кризис или конец либеральной демократии? / Е. Вятр // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. – 2019. – № 1. – С. 7–21.

4. Глухова А. В. Новый авторитаризм в XXI веке : мировые тенденции и российский case study / А. В. Глухова // *Политика и управление государством : новые вызовы и векторы развития : сборник статей / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой*. – М. : Аспект Пресс, 2019. – С. 61.

5. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита / Т. Карозерс // *Политическая наука*. – 2003. – № 2. – С. 42–65.

6. Медушевский А. Н. Конституционная реформа в России : содержание, направления и способы осуществления / А. Н. Медушевский // *Общественные науки и современность*. – 2020. – № 1. – С. 39–60. – URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s086904990008510-3-1/?reader=Y> (дата обращения: 15.06.2021).

7. Малинова О. Ю. Конституционный процесс как символическая политика : дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020 / О. Ю. Малинова // *Политические исследования*. – 2021. – № 3. – С. 17–37. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03> (дата обращения: 15.07.2021).

8. Демократия в России : установки населения. Сводный аналитический отчет. «Левада-Центр» (2015 г.). – URL: <https://clck.ru/TLDV2> (дата обращения: 05.07.2021).

9. Шаблинский И. Г. Новый российский консерватизм и советская идеологическая парадигма / И. Г. Шаблинский // *Политическая наука*. – 2017. – № 3. – С. 36–157. – URL: <https://clck.ru/TP9kJ> (дата обращения: 07.04.2021).

10. Писарев А. Н. Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020 : президентская или полупрезидентская республика / А. Н. Писарев // *Образование и право*. – 2020. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-model-formy-pravleniya-v-svete-konstitutsionnoy-reformy-2020-prezidentskaya-ili-poluprezidentskaya-respublika> (дата обращения: 07.04.2021).

11. Морщакова Т. Г. Деконструкция Конституции / Т. Г. Морщакова ; под общ. ред. К. Ю. Рогова ; Фонд «Либеральная миссия». – М., 2020. – 82 с.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.05.2021).

13. Медушевский А. Н. Конец посткоммунизма : к 30-летию демократических революций 1990-х гг. XX в. / А. Н. Медушевский // *Либеральная миссия*. – 2021. – № 3. – С. 1–33. – URL: https://liberal.ru/globalization/7690#_edn3 (дата обращения: 17.04.2021).

14. Румянцев О. Г. Конституционная реформа – 2020 в Российской Федерации : пристрастная оценка / О. Г. Румянцев // *Конституционный вестник*. – 2020. – № 5. – URL: <https://clck.ru/TLBVN> (дата обращения: 07.04.2021).

15. Медушевский А. Н. Конституционная реформа 2020 с позиций теорий легитимности / А. Н. Медушевский // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. – 2020. – № 4. – URL: <https://clck.ru/TQZz7> (дата обращения: 17.04.2021).

16. Нисневич Ю. В России изменилась форма правления / Ю. Нисневич. – URL: <https://newizv.ru/article/gene-ral/10-10-2020/yuliy-nisnevich-v-rossii-izmenilas-forma-pravleniya> (дата обращения: 14.07.2021).

Воронежский государственный университет
Зюзина Е. Б., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: elenaborisonavgu@mail.ru

Voronezh State University
Zuzina E. B., Candidate of Political Sciences, Associate
Professor of the Sociology and Politology Department
E-mail: elenaborisonavgu@mail.ru